

Он знал успех, какой сейчас не снится суперзвездам. Восторженные толпы несли на руках его автомашину. Ему прочили славу Шаляпина и Синатры. Он стажировался в миланской «Ла Скала» и пел в парижской «Олимпии». Муслим Магомаев, внук знаменитого азербайджанского композитора и самая громкая легенда русской эстрады второй половины века, 17 августа отмечает свое 60-летие. Наши «Пять вечеров» — в доме на Николиной Горе, где сплелась от жары звездная пара — Муслим Магомаев и Тамара Синявская.

Вечер первый

Между музами

— А где Тамара Ильинична?

Я и цветочки привез...

— Это мой юбилей или ее?

— Тогда вот вам первый вопрос: вас ждала блестящая карьера оперного певца, но вы от нее отказались. Не раскаиваетесь?

— Если была бы вторая жизнь, то единственное, что я бы изменил, — не стал бы курить.

— Вы прямо из бакинских клубов моряков попали на молодежный фестиваль в Хельсинки, где ждал вас первый большой триумф...

— А маленькие у меня уже были в городе Баку. Меня там знали, я пел в правительственных концертах. Учился по классу фортепиано, но в 14 лет у меня появился бас-баритон и разрушил все планы.

— А как пианист вы подавали надежды?

— Подавал. У меня растяжка до — фа через октаву! Импровизировал хорошо.

— После арии Фигаро во Дворце съездов вы проснулись знаменитым. А вот из воспоминаний вашего аккомпаниатора Чингиза Садыхова я узнал, что пришлось вместо до-мажор петь на тон ниже — в си-бемоль-мажор.

— Интернета не читали?

— А как же!

— Ну, там можно прочитать и байку о том, как добрейший Махмуд Эсамбаев мне пощечину влепил. А что касается Фигаро...

у меня ведь тогда был низкий голос, трудно было залезать на высокие ноты. Кому-то Бог дает хорошие верхушки, кому-то насыщенный средний регистр.

— Но из оперы вы ушли.

— Уходил дважды. В первый раз ушел — не стали говорить, что, мол, Магомаеву трудно, он уже не может петь в опере. Я разозлился и после десятилетней паузы спел. Доказал самому себе, что могу. И ушел навсегда.

— Без сожаления?

— Классика требует самодисциплины, каждодневных занятий. А я не люблю тренаж и люблю свободу.

— Поэтому и от Большого отказались?

— Я не хотел петь «в очередь». К тому же там пришлось бы петь и советский репертуар, а я его терпеть не могу. Рос на Пуччини, Россини, Верди и не хотел петь Прокофьева или Шедрина просто не понимаю, как Тамара все это сумела полюбить.

— Сходите на «Лулу» Берга в «Теликоне». Это актерский подвиг.

— Не хочу. Хотя уверен, что это любопытно. Я не понимаю, почему сейчас Большой театр похож на полупустую студию: ставят оперу, которую сам композитор не любил, но не идет «Риголетто», не поют Донизетти, Беллини! В «Ла Скала» тоже экспериментируют — но классика там не сходит со сцены!

— Послушайте, вы в «Ла Скала» провели два сезона, бегали на спектакли — неужели не захотелось быть среди небожителей?

— А чем больше бегал, тем больше понимал. Мне. Ну не дал мне Бог крепких верхушек, терпения и усидчивости. В детстве я рисовал, теперь снова решил взяться за кисть, и что? Я ведь

ликого нарисовал? Написал несколько портретов и вдруг — не хочу! Начал портрет Тамары, остались несколько мазков. И как отрезало: не могу взять в руки кисть. А в опере нельзя же за день до спектакля сказать: не хочу!

— Вы нашли на эстраде свободу?

— В общем да. Поешь не под «фанеру», стараешься, чтобы сегодня песня прозвучала не так, как вчера, — большое удовольствие! Не говорю, что фонограмма — это плохо. Я понимаю: новые требования, саунд должен быть приличный и все такое. Когда на сцене человек-фейерверк, бьют фонтаны и выходят слоны, мне уже без разницы — поют там под фонограмму или живым звуком.

— Но вы-то собирали полные залы без слонов!

— Так и мизансцена была другая: я перед роялем или перед оркестром. И больше ничего. И изволь два часа петь так, чтобы не захрипеть, и голос не сел, и зритель не ушел.

— Не развратили слоны нашу эстраду? Природа вашего успеха совсем другая, чем в гала-шоу Киркорова или Леонтьева.

— А молодежь изменилась: она уже не хочет одиноко стоящего человека, а хочет зрелища, попрыгунчиков, балетных девочек и чтобы все было красочно. И мне нравятся шоу Киркорова и Леонтьева. На других шоу я был, но не хочу о них говорить — они не по мне.

— Таких больше?

— Поэтому я редко хожу. Киркоров приглашал три раза, а я все ссылаясь на собаку: не с кем оставить. Боюсь идти, потому что если уж пришел на концерт — надо досидеть до конца и высказать свое мнение, а врать я не могу. На третий раз пошел и получил огромное удовольствие. О чем честно сказал Филиппу.

— В книжке вашей есть фото: вы в облике Питера. Что это было?

— А это мы в Ленинграде сидели и обмывали премьеру в Малом театре — Эдита Пьеха, Броневский и я. И хохмили: я соорудил себе челку с усиками, Эдита стала поверженной Францией, Броневский — Наполеоном, и мы сделали фотку на память.

— Открыли в себе драматическое дарование?

— Я снимался в фильме «Низами», но не считаю это актерской работой — играл там самого себя. Потому что никто уже не знает, каким был Низами на самом деле. А играть себя неинтересно.

— Но ведь вы могли бы повторить карьеру любимого вами и мною Марио Ланца — играть в кино певца.

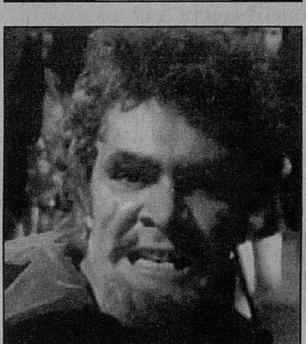
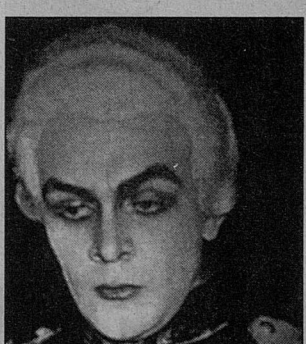
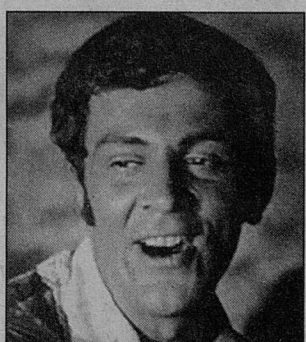
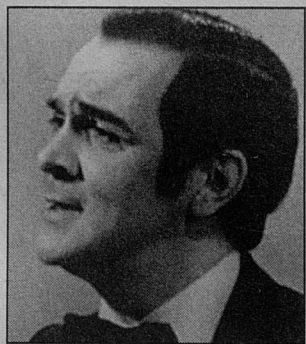
— Мне предлагали сценарии, но какие-то дурацкие.

— У Ланца сценарии тоже дурацкие — а как хорошо смотрятся!

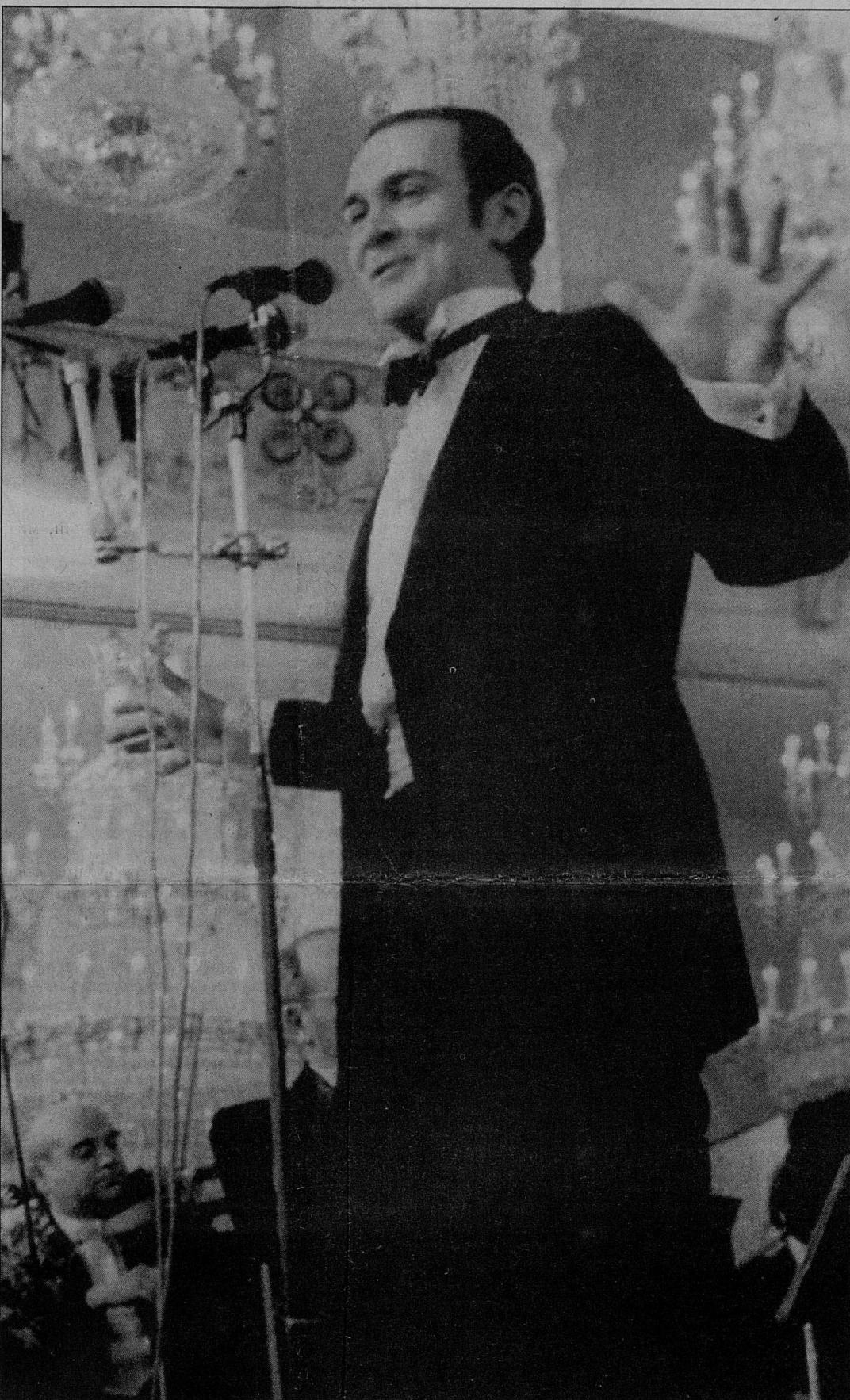
— «Великий Карузо» — настоящее музыкальное кино. А у нас почему-то всё хотели глупую комедию. Так что я отдался, кроме «Низами», еще только двумя фильмами — «Поет Муслим Магомаев» и «До новой встречи, Муслим!». И оба про меня.

Муслим МАГОМАЕВ:

Широка страна моя родная

Слуга двух господ: Ее Величества Эстрады и Ее Святейшества Оперы

Вечер второй

Время и бремя

— Вы вошли в обиход артистов, которые всегда были на сцене КДС, украшали официальные торжества и пели о счастливой стране.

— Ну-ну, что, например? Давайте считать по пальцам. И о какой счастливой стране идет речь?

— «Мой адрес — Советский Союз»...

— Я это в концертах не пел, а только записал для фильма. Была еще «Торжественная песня», которая потом звучала как заставка к первому телеканалу. Я сказал Рождественскому: Роберт, надели плаксивые песни, хочется о счастливой любви. Он ответил: это должна быть песня о любви к стране. И дал текст: там ни слова о партии, только: «...если ты со мною, страна!». Далее: «Хотят ли русские войны?», «Бухенвальдский набат», «Вечер на рейде», «Малая Земля», которую я до сих пор считаю прекрасной песней. И ее необязательно ассоциировать с Брежневым. Малая Земля — героическая земля. Я был там, видел этот вагон, изрешеченный как сито, знаю о подвиге моряков, об этом написана песня — при чем тут офицеры? Но из-за таких песен я и прослыл гражданским певцом.

— А вас это огорчает?

— Я и не отрицаю, что многие из этих песен мне очень нравятся. Вот к своему юбилею подготовил комплект из 14 CD. Там есть диск с антивоенными песнями — в память об отце.

— Здесь что, полное собрание записей?

— Избранное. Классика: оперные арии, романсы, неаполитан-

ведь «народ меня не поймет». В Израиле запрещен Вагнер, потому что его любил Пилат. Джилли пел для Муссолини, Шаляпин опускаясь на колени перед царем — разве от этого они перестали быть великими? Запретов на музыку быть не может. Не хочется — не слушаю. Как с романом Сорокина, о котором столько шума: не хочешь — не читай. Есть анекдот: «Примите меры, у меня из окна видна женская баня!» — «Да где же? Ничего не видно!» — «А вы загляните на шкафы!» Довели до того, что мне захотелось Сорокина прочитать! Надо знать, отчего все так кричат. И какая там может быть порнография, если этого добра достаточно по телевизору.

— А она любила артистов. Таких в молодости, она обнаруживала к культуре природное чутье. Могла, конечно, и на ковер звать — но в основном по указке ЦК. Это была «железная ладиз» и многим помогла. Была свойской: на гастроли Большого послала вагон волики, чтобы они могли там встретить Новый год... Я не люблю о прежних властях говорить плохо: они нормальные люди были. И Брежнев нормален — другое дело, что был «так положен». Я с ним встречался только однажды, в Баку, — в честь его приезда пел «Малую Землю», и они с Черненко плакали навзрыд. Он очень любил песню итальянских партизан «Белла, чао», где я просил зал приоткрыть и прихлопывать. И как только я объявил эту песню, Брежнев повернулся к Гейдару Алиеву и показал ему: мол, сейчас будем работать. Похлопали, потопали, и больше мы не встречались. А с Галией Брежневой были в дружеских отношениях — хорошая, добрая была женщина. Так что если я ставлю на чаши весов то время и сегодняшнее, мне трудно сказать, что перевесит. Коммунисты очень сильно нас любили, буквально душили в своих объятиях. И следил за тем, что ты пишешь, лепишь и поешь. Внимания было через край. Сейчас никакого внимания — и я не знаю, лучше ли это.

— А если судить по результатам?

— У нас был великолепный Большой театр. Замечательные певцы. Хотел их и не пускали к границе: надо: уедем — предатель Родин! Но тогда пели Атлантов, Мазурок, Милашкина, Синявская, Образцова, Нестеренко, и они работали здесь, а не там. А сейчас все поют там.

— А вы почему не уехали?

— Я по складу патриот и среди иностранцев бы не мог: у них разговоры только о бизнесе.

— Зато у нас нет пророка в своем отечестве.

— Для меня потрясением стала Мария Гюльгина. В «Метрополитен-опера» давали «Сельскую честь» с певицей, о которой я не слышал. Звоню в Москву: тут чудо какое-то, зовут Гюльгину — публика чуть зал не разнесла, почему я о ней ничего не знаю? А потому и не знаешь, отвечает мне Москва, что Гюльгину в Большой театр не взяли чуть ли не за профнепригодность! Та же участь постигла Наталью Троицкую, добрая была женщина. Так

— В Париже я видел афиши: «Гранд-опера» славала себя под свадьбу! А в Большом гарцуют манекенщицы.

— Так мы же в этих делах идем с миром точно в ногу и даже обгоняем.

— Но там ухитряются блести какой-то культурный уровень.

— Потому что запреты есть. По общим телеканалам не будут показывать секс. Не позволят оскорблять президента. Там много чего запрещено. Америка в этом смысле даже более бюрократична, чем был СССР.

— Это плохо или хорошо?

— Полной свободы нет нигде. Показывая шоу порно — но на кабельном, платном. И в прессе — пишите любое мнение, но не материтесь.

— Почитайте, почитайте Сорокина...

— Я сам запретов вот так хлеб-

нул: это пой, этого не пой; на ТВ Ланца нельзя проверять тексты, и если ему казалось, что песня плохо отразится на нравах, он ее снимал. Евтушенко что-то где-то сказал неутонченное — запретили «Не спешите». Но всевозможность — хуже.

— А что, были у нас при Советских свои пренебрежения? В книге «Любовь моя — мелодия» вы тепло отзывались о Фурцевой...

— А она любила артистов. Таких в молодости, она обнаруживала к культуре природное чутье. Могла, конечно, и на ковер звать — но в основном по указке ЦК. Это была «железная ладиз» и многим помогла. Была свойской: на гастроли Большого послала вагон волики, чтобы они могли там встретить Новый год... Я не люблю о прежних властях говорить плохо: они нормальные люди были. И Брежнев нормален — другое дело, что был «так положен». Я с ним встречался только однажды, в Баку, — в честь его приезда пел «Малую Землю», и они с Черненко плакали навзрыд. Он очень любил песню итальянских партизан «Белла, чао», где я просил зал приоткрыть и прихлопывать. И как только я объявил эту песню, Брежнев повернулся к Гейдару Алиеву и показал ему: мол, сейчас будем работать. Похлопали, потопали, и больше мы не встречались. А с Галией Брежневой были в дружеских отношениях — хорошая, добрая была женщина. Так что если я ставлю на чаши весов то время и сегодняшнее, мне трудно сказать, что перевесит. Коммунисты очень сильно нас любили, буквально душили в своих объятиях. И следил за тем, что ты пишешь, лепишь и поешь. Внимания было через край. Сейчас никакого внимания — и я не знаю, лучше ли это.

— А если судить по результатам?

— У нас был великолепный Большой театр. Замечательные певцы. Хотел их и не пускали к границе: надо: уедем — предатель Родин! Но тогда пели Атлантов, Мазурок, Милашкина, Синявская, Образцова, Нестеренко, и они работали здесь, а не там. А сейчас все поют там.

— А вы почему не уехали?

— Я по складу патриот и среди иностранцев бы не мог: у них разговоры только о бизнесе.

— Зато у нас нет пророка в своем отечестве.

— Для меня потрясением стала Мария Гюльгина. В «Метрополитен-опера» давали «Сельскую честь» с певицей, о которой я не слышал. Звоню в Москву: тут чудо какое-то, зовут Гюльгину — публика чуть зал не разнесла, почему я о ней ничего не знаю? А потому и не знаешь, отвечает мне Москва, что Гюльгину в Большой театр не взяли чуть ли не за профнепригодность! Та же участь постигла Наталью Троицкую, добрая была женщина. Так

— В Париже я видел афиши: «Гранд-опера» славала себя под свадьбу! А в Большом гарцуют манекенщицы.

— Так мы же в этих делах идем с миром точно в ногу и даже обгоняем.

— Но там ухитряются блести какой-то культурный уровень.

— Потому что запреты есть. По общим телеканалам не будут показывать секс. Не позволят оскорблять президента. Там много чего запрещено. Америка в этом смысле даже более бюрократична, чем был СССР.

— Это плохо или хорошо?

— Полной свободы нет нигде. Показывая шоу порно — но на кабельном, платном. И в прессе — пишите любое мнение, но не материтесь.

— Почитайте, почитайте Сорокина...

— Я сам запретов вот так хлеб-

нул: это пой, этого не пой; на ТВ Ланца нельзя проверять тексты, и если ему казалось, что песня плохо отразится на нравах, он ее снимал. Евтушенко что-то где-то сказал неутонченное — запретили «Не спешите». Но всевозможность — хуже.

— А что, были у нас при Советских свои пренебрежения? В книге «Любовь моя — мелодия» вы тепло отзывались о Фурцевой...

— А она любила артистов. Таких в молодости, она обнаруживала к культуре природное чутье. Могла, конечно, и на ковер звать — но в основном по указке ЦК. Это была «железная ладиз» и многим помогла. Была свойской: на гастроли Большого послала вагон волики, чтобы они могли там встретить Новый год... Я не люблю о прежних властях говорить плохо: они нормальные люди были. И Брежнев нормален — другое дело, что был «так положен». Я с ним встречался только однажды, в Баку, — в честь его приезда пел «Малую Землю», и они с Черненко плакали навзрыд. Он очень любил песню итальянских партизан «Белла, чао», где я просил зал приоткрыть и прихлопывать. И как только я объявил эту песню, Брежнев повернулся к Гейдару Алиеву и показал ему: мол, сейчас будем работать. Похлопали, потопали, и больше мы не встречались. А с Галией Брежневой были в дружеских отношениях — хорошая, добрая была женщина. Так что если я ставлю на чаши весов то время и сегодняшнее, мне трудно сказать, что перевесит. Коммунисты очень сильно нас любили, буквально душили в своих объятиях. И следил за тем, что ты пишешь, лепишь и поешь. Внимания было через край. Сейчас никакого внимания — и я не знаю, лучше ли это.

— А если судить по результатам?

— У нас был великолепный Большой театр. Замечательные певцы. Хотел их и не пускали к границе: надо: уедем — предатель Родин! Но тогда пели Атлантов, Мазурок, Милашкина, Синявская, Образцова, Нестеренко, и они работали здесь, а не там. А сейчас все поют там.

— А вы почему не уехали?

— Я по складу патриот и среди иностранцев бы не мог: у них разговоры только о бизнесе.

— Зато у нас нет пророка в своем отечестве.

— Для меня потрясением стала Мария Гюльгина. В «Метрополитен-опера» давали «Сельскую честь» с певицей, о которой я не слышал. Звоню в Москву: тут чудо какое-то, зовут Гюльгину — публика чуть зал не разнесла, почему я о ней ничего не знаю? А потому и не знаешь, отвечает мне Москва, что Гюльгину в Большой театр не взяли чуть ли не за профнепригодность! Та же участь постигла Наталью Троицкую, добрая была женщина. Так

— В Париже я видел афиши: «Гранд-опера» славала себя под свадьбу! А в Большом гарцуют манекенщицы.

— Так мы же в этих делах идем с миром точно в ногу и даже обгоняем.

— Но там ухитряются блести какой-то культурный уровень.

— Потому что запреты есть. По общим телеканалам не будут показывать секс. Не позволят оскорблять президента. Там много чего запрещено. Америка в этом смысле даже более бюрократична, чем был СССР.

— Это плохо или хорошо?

— Полной свободы нет нигде. Показывая шоу порно — но на кабельном, платном. И в прессе — пишите любое мнение, но не материтесь.

— Почитайте, почитайте Сорокина...

— Я сам запретов вот так хлеб-

«Новом русском слове». Хорошо, что мы не поехали. А по стране — сидим.

— Публика соскучилась.

— Но я же понимаю, что время идет. И не верю, когда говорят: звучит как тридцать лет назад! Я же сам себя слышу!

— В своих концертах вы делали поправку на время?

— Стало меньше песен о любви. Но люди, которые ко мне приходят, хотя бы поостальгировать. И я новыми приемами не балуюсь: Фрэнк Синатра не менял репертуар и пел так до глубокой старости!

— Почему вы так резко поставили точку? Был невероятный успех — и вдруг ушли в тень.

— Предпочитаю точку ставить сам. Но не хочу громко хлопнуть дверью. Поэтому солистки потихоньку сворачивают. Сейчас вот с Тамарой спели в Киеве и Питере — города, где меня принимали лучше всех. И был переполнен. Правда, и цены не стали взвешивать — чтобы мои поклонники могли прийти.

— Но на эти концерты ходят не только люди вашего поколения!

— Молодые приходят с мамой-папой и слушают с явным удовольствием. Но сами по себе они не придут. Они пойдут слушать Витаса или Шуру.

— Как вы относитесь к Витасу и Шуру?

— Нормально. Как ко всему, что приходит с новым временем. Когда-то мне Утесов говорил: я

тебя, Муслим, люблю, но согласишься, что лучше, чем «Легко на сердце от песни веселой», не бывает. И я понял, что он считает так: ну Магомаев, ну успех, ну поклонники несут автомашину на руках, а все равно лучше меня никто не поет. И был прав — для моего времени. Точно так же для меня мое время было лучшим. Но оно прошло, и сейчас время Витаса. Даже время Аллы Борисовны, которую я обожаю, для малолеток потихонечку уходит. Хотя Алла Борисовна у нас вечная.

— А что скажете о певце, который подобно вам делит оперу с эстрадой? О Баскове?

— Мы с Басковым прекрасно знакомы, он хороший парень и талантливый человек. Но я ему говорил: если петь в опере все-таки рано или поздно придется выбирать. Хочет петь Каварадосси — надо забыть про шоу. Заняться голосом, может, съездить в Италию...

— В Интернете я нашел отзыв парня по имени Valera: «Муслим криво и остался крутым, а все остальные сынки паровозные». Я не знаю, что такое сынки паровозные, но вас он оценил. Вашу машину и правда носили на руках?

— Все было. Сейчас кумиры входят в толпу, девочки руки тянут — я бы так не мог. Руку бы оторвали, одежку разнесли бы в клочки. Машину вволили прямо во Дворец спорта, я сиделся, и мы вылетали.

— Все было. Сейчас кумиры входят в толпу, девочки руки тянут — я бы так не мог. Руку бы оторвали, одежку разнесли бы в клочки. Машину вволили прямо во Дворец спорта, я сиделся, и мы вылетали.

— Все было. Сейчас кумиры входят в толпу, девочки руки тянут — я бы так не мог. Руку бы оторвали, одежку разнесли бы в клочки. Машину вволили прямо во Дворец спорта, я сиделся, и мы вылетали.

— Все было. Сейчас кумиры входят в толпу, девочки руки тянут — я бы так не мог. Руку бы оторвали, одежку разнесли бы в клочки. Машину вволили прямо во Дворец спорта, я сиделся, и мы вылетали.

— Все было. Сейчас кумиры входят в толпу, девочки руки тянут — я бы так не мог. Руку бы оторвали, одежку разнесли бы в клочки. Машину вволили прямо во Дворец спорта, я сиделся, и мы вылетали.

— Все было. Сейчас кумиры входят в толпу, девочки руки тянут — я бы так не мог. Руку бы оторвали, одежку разнесли бы в клочки. Машину вволили прямо во Дворец спорта, я сиделся, и мы вылетали.

— Все было. Сейчас кумиры входят в толпу, девочки руки тянут — я бы так не мог. Руку бы оторвали, одежку разнесли бы в клочки. Машину вволили прямо во Дворец спорта, я сиделся, и мы вылетали.

— Все было. Сейчас кумиры входят в толпу, девочки руки тянут — я бы так не мог. Руку бы оторвали, одежку разнесли бы в клочки. Машину вволили прямо во Дворец спорта, я сиделся, и мы вылетали.

— Все было. Сейчас кумиры входят в толпу, девочки руки тянут — я бы так не мог. Руку бы оторвали, одежку разнесли бы в клочки. Машину вволили прямо во Дворец спорта, я сиделся, и мы вылетали.

— Все было. Сейчас кумиры входят в толпу, девочки руки тянут — я бы так не мог. Руку бы оторвали, одежку разнесли бы в клочки. Машину вволили прямо во Дворец спорта, я сиделся, и мы вылетали.

— Все было. Сейчас кумиры входят в толпу, девочки руки тянут — я бы так не мог. Руку бы оторвали, одежку разнесли бы в клочки. Машину вволили прямо во Дворец спорта, я сиделся, и мы вылетали.

— Все было. Сейчас кумиры входят в толпу, девочки руки тянут — я бы так не мог. Руку бы оторвали, одежку разнесли бы в клочки. Машину вволили прямо во Дворец спорта, я сиделся, и мы вылетали.

— Все было. Сейчас кумиры входят в толпу, девочки руки тянут — я бы так не мог. Руку бы оторвали, одежку разнесли бы в клочки. Машину вволили прямо во Дворец спорта, я сиделся, и мы вылетали.

— Все было. Сейчас кумиры входят в толпу, девочки руки тянут — я бы так не мог. Руку бы оторвали, одежку разнесли бы в клочки. Машину вволили прямо во Дворец спорта, я сиделся, и мы вылетали.

— Все было. Сейчас кумиры входят в толпу, девочки руки тянут — я бы так не мог. Руку бы оторвали, одежку разнесли бы в клочки. Машину вволили прямо во Дворец спорта, я сиделся, и мы вылетали.

— Все было. Сейчас кумиры входят в толпу, девочки руки тянут — я бы так не мог. Руку бы оторвали, одежку разнесли бы в клочки. Машину вволили прямо во Дворец спорта, я сиделся, и мы вылетали.

— Все было. Сейчас кумиры входят в толпу, девочки руки тянут — я бы так не мог. Руку бы оторвали, одежку разнесли бы в клочки. Машину вволили прямо во Дворец спорта, я сиделся, и мы вылетали.

— Все было. Сейчас кумиры входят в толпу, девочки руки тянут — я бы так не мог. Руку бы оторвали, одежку разнесли бы в клочки. Машину вволили прямо во Дворец спорта, я сиделся, и мы вылетали.

— Все было. Сейчас кумиры входят в толпу, девочки руки тянут — я бы так не мог. Руку бы оторвали, одежку разнесли бы в клочки. Машину вволили прямо во Дворец спорта, я сиделся, и мы вылетали.

— Все было. Сейчас кумиры входят в толпу, девочки руки тянут — я бы так не мог. Руку бы оторвали, одежку разнесли бы в клочки. Машину вволили прямо во Дворец спорта, я сиделся, и мы вылетали.

— Все было. Сейчас кумиры входят в толпу, девочки руки тянут — я бы так не мог. Руку бы оторвали, одежку разнесли бы в клочки. Машину вволили прямо во Дворец спорта, я сиделся, и мы вылетали.

— Все было. Сейчас кумиры входят в толпу, девочки руки тянут — я бы так не мог. Руку бы оторвали, одежку разнесли бы в клочки. Машину вволили прямо во Дворец спорта, я сиделся, и мы вылетали.

— Все было. Сейчас кумиры входят в толпу, девочки руки тянут — я бы так не мог. Руку бы оторвали, одежку разнесли бы в клочки. Машину вволили прямо во Дворец спорта, я сиделся, и мы вылетали.

— Все было. Сейчас кумиры входят в толпу, девочки руки тянут — я бы так не мог. Руку бы оторвали, одежку разнесли бы в клочки. Машину вволили прямо во Дворец спорта, я сиделся, и мы вылетали.

— Все было. Сейчас кум